

18. Синицкая А.В. Ваши шесть соток (Дачная «мифология» в российском культурном контексте) // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 19 – 20 нояб. 2009) : в 2 ч. Самара, 2010. Ч.2. С. 221 – 226.

19. Фаликов И. Все сбылось. О стихах Сергея Гандлевского // Знамя. 2008. №8. С. 209 – 213.

20. Цивьян Т.В. Дача и дачники в русском представлении. Предварительные материалы. URL: http://www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/rt06russ_civjan_dacha.doc.

21. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М., 1978. Т.13.

Artistic semantics of dacha topos in the Russian poetry of the second half of the XX century

There are considered different sides of the semantics of dacha topos in the Russian poetry of the second half of the XX – beginning of the XXI century.

Key words: *topos, space, semantics, national world picture.*

Л.Н. САВИНА
(Волгоград)

**ИДИЛЛИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП
ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С.Т. АКСАКОВА
«СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА» И
«ДЕТСКИЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА»**

Рассматриваются приемы создания идиллического хронотопа в автобиографических произведениях С.Т. Аксакова с позиции воплощения «усадебного мифа».

Ключевые слова: *идиллический хронотоп, «усадебный миф», автобиографические произведения.*

Усадебная тема в последние годы привлекает пристальное внимание историков, архитекторов, искусствоведов и литературоведов, поскольку «постижение образа дворянской усадьбы как одного из фундаментальных символов истории России является способом националь-

ного самопознания и самосохранения и представляет возможность восстановления обширного комплекса нравственно-эстетических норм, во многом утраченных в перипетиях последних столетий» [7, с. 3]. «Сколок Эдема», обретенная Аркадия предстают перед нами не только в воспоминаниях мемуаристов, но и в произведениях Пушкина, Тургенева, Чехова, в эмигрантской прозе Бунина, Зайцева, Набокова, создающих свой «усадебный миф». Время, проведенное на лоне природы, в родовом гнезде, для многих персонажей отечественной классики становится ностальгическим воспоминанием, связанным с темой сохранения семейной, исторической и культурной памяти.

Попытку воссоздать провинциальную усадебную жизнь в ее первозданной сущности одним из первых предпринял С.Т. Аксаков в автобиографических произведениях «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». Пространственно-временные отношения в данных произведениях напоминают хронотоп идиллии, где существует особая взаимосвязь времени и пространства: «органическая прикреплённость, приращенность жизни и ее событий к месту – к родной стране со всеми ее уголками, <...> к родным полям, реке и лесу, к родному дому. Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки. <...> Единство места сближает и сливает колыбель и могилу, <...> детство и старость. Это определяемое единством места смягчение всех граней времени существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени» [3, с. 158]. Аксаков не случайно акцентирует внимание читателей на крепости семейных начал, построенных на полной покорности авторитету старших, но содержащих нечто патриархальное, нравственно сильное, чем только и может держаться семья. В повестях писателя «все дышит глубоким миром твердо установившегося склада, все напоминает величавое спокойствие неприкосновенного векового леса. <...> Семья живет и множится, как природа, – спокойно, бессознательно, – в силу какого-то непреложного внутреннего закона» [4, с. 127].

В изображении писателя необжитое Уфимское наместничество поистине напоминает земной рай, столь традиционно ассоциирующийся с усадебным мифом: «Что за уголье, что за приволье было тогда на этих берегах! Вода

такая чистая, что даже в омутах <...> можно было видеть на дне медную денежку! Местами росла густая урема из березы, осины, рябины, калины, черемухи и чернотала, вся переплетенная гирляндами хмеля. <...> Там равнина, непочатая степь, чернозем в аршин глубиной. <...> Водилась во множестве вся степная птица. <...> Река кипела всеми породами рыб, которые могли сносить ее студеною воду. <...> Всякого зверя и в степях, и в лесах было невероятное множество; словом сказать, это был <...> уголок обетованный» [1, с. 38]. Как известно, Багрово не является родовой вотчиной дедушки, в Уфимское наместничество семейство перебралось из наследственного села Троицкого, Багрово тож Симбирской губернии. «Имя собственное, данное впервые, или переименование, добровольно совершенное владельцем усадьбы, указывает на то, какой именно концепции усадебной жизни (усадьба как тип хозяйствования или увеселительная резиденция) он придерживается» [6, с. 331]. Главный герой «Семейной хроники», предпочитающий с Божией помощью получать твердый доход с поместья, не может и помыслить об «эдемских», «аркадийных» названиях, характерных для парадных дворцовых ансамблей. Старик Багров предпочитает именовать и старое, и новое родовое гнездо в соответствии с праздником, во имя которого создается в селе церковный придел. «Новонаселенное место» планируют назвать Знаменское, обещая при благоприятных обстоятельствах построить здесь церковь во имя Знамения Божьей матери. Но вскоре «Знаменское» благополучно предается забвению: все окружающие именуют деревеньку Новым Багровом, «по прозванию своего барина и в память Старого Багрова, из которого были переведены» [1, с. 40]. Обращение к Святой Троице или Знамению Божьей матери, с одной стороны, свидетельствует об уповании провинциального помещика на покровительство высших сил; с другой – о стремлении упрочить свое право на владение приобретенной землей упоминанием родового имени в названии усадьбы. О практическом характере старика Багрова говорит выбор им церковного праздника, именем которого называется новое место жительства. Если Троица приходилась на разгар летней страды, то Знаменье Божьей матери отмечалось 27 ноября по старому стилю, когда все полевые работы были закончены и крестьяне могли без ущерба для хозяйства отметить престольный праздник.

Созидание усадебного быта в произведении Аксакова носит поистине мифологический характер, не случайно переселение семейства Багровых в Уфимское наместничество воскрешает в памяти читателя библейские страницы, в частности историю ветхозаветного пророка Моисея. Как Моисей во главе евреев, так и Степан Михайлович Багров со своими крестьянами отправляется на поиски «земли обетованной». Правда, переселение в повести Аксакова совершается по причинам экономического, а не религиозного характера, но мы говорим не о полной тождественности историй, а о библейском масштабе личности старика Багрова. Как и Моисей, Степан Михайлович является нравственным авторитетом для своих родных и соседей: «Он был так разумен, так снисходителен к просьбам и нуждам, так неизменно верен каждому своему слову, что скоро сделался истинным оракулом вновь заселяющегося уголка обширного Оренбургского края. Мало того, что он помогал, он воспитывал нравственно своих соседей [1, с. 47 – 48]. Аксаков, разумеется, несколько иронизирует по поводу привычки провинциального патриарха сидеть вместо трона на крыльце собственного дома. Жезл же, непрременный атрибут облика Моисея, выразительный символ строгости и сокрушительной власти помазанника Господня против возмутителей спокойствия, у Аксакова превращается в калиновый подожок, которым старик Багров вразумляет своего слугу, решившего понежиться на барской кровати. Этот травестийный прием вполне согласуется с описанием быта семейства Багровых.

В соответствии с патриархальными традициями главной фигурой в усадебном пространстве является хозяин поместья. Упоминание о типичности данного персонажа, характерного для патриархального уклада русской жизни, мы находим в «Воспоминаниях» Аполлона Григорьева: «Хорошая вещь – серьезные и захватывающие жизнь в ее типах литературные произведения. <...> Не будь аксаковской "Семейной хроники", я бы неминуемо должен был вовлечься в большие подробности по поводу моего деда, <...> игравшего немаловажную роль в истории моих нравственных впечатлений. Теперь же стоит только согласиться на общий тип кряжевых людей бывалой эпохи, изображенной рельефно и вместе простодушно покойным Аксаковым, да отметить только разности и отличия, и вот образ. <...> Дед мой в общих чертах удивительно походил на ста-

рика Багрова, и день его в ту эпоху, когда он уже мог жить на покое, мало разнился <...> от дня Степана Багрова. Чуть что даже калиново-го подошка у него не было, а что свои танай-ченки, даже свои собственные калмыки были, это я очень хорошо помню» [5, с. 19–20].

В первой части семейной хроники С.Т. Аксакова место правителя маленького государства занимает дедушка, Степан Михайлович Багров, после его смерти эта должность переходит к Алексею Степановичу, а в перспективе и маленький Серёжа со временем должен стать хозяином усадьбы. Барский дом, насколько можно судить о его внутреннем и внешнем устройстве по описанию Аксакова, не отличается изысканностью. Все в нем предназначено для удовлетворения самых простых, безыскусных потребностей его обитателей. В обиходе используются натуральные, природные материалы, свидетельствующие о близости жизни русских помещиков к философской модели бытия «естественного» человека. Мало изящного представляют собой скотина, посещавшая мимоходом барский двор и оставлявшая после себя «неопрятные следы», «запачканные свиньи», которые потирались и почесывались о самое то крыльцо, на котором сидел дедушка, столовые объедки, которые выкидывались возле самого крыльца. Тем не менее подобный натурализм вовсе не принижает описание усадебной жизни и вполне согласуется с мировосприятием провинциала, не искавшего в окружающем усладу утонченной души и видевшего в здоровом скоте признак собственного довольства и благосостояния. Отсутствие сада в быту провинциалов заменяет чудесный огород. Комментарий взрослого повествователя в произведении Аксакова вполне созвучен чувствам ребенка, пораженного гомерическим изобилием в усадьбе плодов и овощей: «Вся эта некрасивая смесь мне очень понравилась, нравится и теперь, и, конечно, гораздо более подстриженных липовых или березовых аллей и несчастных елок, из которых вырезают комоды, пирамиды и шары» [1, с. 271]. Мнение писателя по поводу причуд французского садового искусства вполне соотнобразуется с традиционным взглядом русских славянофилов, отвергавших все, что извращало природное естество человеческого общежития. Быт семейства Багровых, как и прочих «достаточных помещиков» средней руки, строится по совсем иным лекалам, чем бытие обитателей дворцовых ансамблей, искавших на лоне природы приятного отдохновения. Сентимен-

тальные игры в сельскохозяйственные заботы здесь заменяются суровой прозой жизни, поскольку имение существует лишь для того, чтобы приносить твердый доход и тем самым удовлетворять жизненные потребности и самого помещика, и его семьи, и целого сонма слуг, находящихся при дворе.

У Аксакова главными приметами патриархально-идиллической жизни остаются физиологические явления (еда, сон), цикличность жизненного круга в его основных биологических проявлениях «родин, свадеб, похорон», привязанность людей к одному месту, замкнутость и равнодушие к остальному миру. Натуральное хозяйство требует полной самоотдачи и внимательного хозяйского глаза, поэтому усадьба является постоянным местом обитания помещика. Выезд в город для стариков Багровых представляет собой запредельное событие. Они настолько «приросли» к родной почве, что даже свадьба единственного сына не побудила их прервать сельское уединение и отправиться в Уфу.

«По Аксакову, физическое и телесное в народной жизни не изолировано, поскольку указывает на нечто более высокое; иначе говоря, с ним связана духовность этой стадии народной жизни, которая соотносима с определенной традицией – приверженностью человека к своей древней истории. <...> Эта всеобщность связана с культом Диониса и пиршеством в честь его воскресения» [8, с. 8]. Поэтому традиционно центром дома является столовая, культ еды играет основополагающую роль, подмеченную еще М.М. Бахтиным: «Еда и питье носят в идиллии или общественный характер, или – чаще всего – семейный характер, за едой сходятся поколения, возрасты» [3, с. 160]. Совместная трапеза не лишена сакрального смысла, по мнению М.В. Осориной, это «одна из важнейших домашних ситуаций, где ребенок учится осознанию себя в общем пространстве взаимодействия с другими людьми. Здесь закладывается у ребенка понимание таких базовых понятий, как мое–твое, общее–личное, понимание своего места в группе людей и отношений соподчинения. Здесь он знакомится с проблемой подчинения и равноправия, справедливости соотношения собственных желаний и ограниченности возможностей, привыкает учитывать присутствующих и отсутствующих членов семьи» [9, с. 39]. Особое положение старика Багрова в семействе, страх и трепет, который

он внушает окружающим, Серёжа почувствует именно во время совместного застолья. За обедом присутствуют, согласно патриархальному обычаю, все члены семейства, кроме заболевшей матери мальчика. Известие о том, что невестка не позволяет детям вкушать пищу с общего стола и для них специально приготовили куриный суп, приводит старого барина в раздражение. Нарушение регламента усадебной жизни проявляется и в желании Серёжи, не дождавшись окончания семейного обеда, отправиться к заболевшей маменьке. Просьба мальчика тотчас же пресекается отцом, который запрещает сыну отлучиться от стола таким строгим голосом, какого ребенок никогда не слышал. Еще более резко реагирует Алексей Степанович на замечание Серёжи по поводу нехорошего запаха, который идет от постного масла. Искренний возглас ребенка прерывается запретом отца («не смей так говорить») и иронической репликой дедушки: «Эге, брат, какой ты неженка!» [1, с. 272]. Позже дети усвоят, что нельзя даже перешептываться за обедом, если старый барин невесел. Отношение взрослых обитателей Багрова к детям передается также при помощи еды. Нерасположение бабушки и тетушки к городским гостям подчеркивается тем, что Серёже в чай кладут меньше сахара, чем его двоюродным сестрицам, которых считают в доме «своими». Мальчик узнает об этом случайно, взяв ошибкой чашку кузины. Любовь к детям также демонстрируется в усадебном быту при помощи угощения: добрая крестная Аксинья Степановна привозит Серёже и его сестре чернослив и изюм.

Кажется, границы между усадебным миром и пространством барского дома абсолютно не существует, настолько они взаимопроницаемы. Отсутствие регулярного паркового ансамбля восполняет окружающий пейзаж, свидетельствующий о плодотворном, созидательном труде человека. Поэтому и радуют глаз дедушки молодые овсы и отцветающая рожь, стоящие стеной, а также степные сенокосы с высокой травой. Торжественным букетам и изысканным сюрпризам провинциальный помещик предпочитает дары самой природы, например горсть чудных ягод душистой лесной клубники. Помимо барского дома в пространство усадьбы входят хозяйственные постройки и мельница, которую старик Багров сооружает в первую

очередь. Торжество человека над стихийным миром дикой природы особенно подчеркивается в сцене запруды плотины, приобретающей в контексте повести сакральный смысл созидания чего-то значительного и торжественного. Мельничное колесо начинает восприниматься не только как часть сельского пейзажа (вспомним «мельницу крылату» у Пушкина), но и как символ неостановимого хода жизни: «На другой день затолкла толчея, замолочила мельница – и мелет и толчет до сих пор...» [1, с. 42]. Течение жизни подчеркивает не только круговорот природных явлений, но и череда сменяющихся друг друга поколений, их сосуществование в едином пространстве усадьбы. По наблюдению Е.И. Анненковой, для С.Т. Аксакова, человека XIX в., патриархальность русской жизни представала уже как историческая категория, ограниченная хронологическими рамками прошлого. Вместе с тем она содержала и некий универсальный смысл: потенциально патриархальное сознание было готово возродиться, как Феникс из пепла, в любую эпоху. «Сам Аксаков и выстраивал жизнь собственную и жизнь семьи, по мере возможности снимая этот контраст, освобождая человеческое общество от полярности критериев, выработанных в разных сферах жизни. Он предлагал путь преодоления полюсов – может быть, утопический, а может быть, единственно верный, – через семью, через живую жизнь, а не через философские теории и эстетические программы» [2, с. 25].

Патриархальный идеальный топос представлял собой настоящий живительный источник для всей последующей духовной жизни его обитателей. В этом защищенном пространстве человек мог чувствовать себя в безопасности. Психологически усадебный мир становился подсознательно воспринятым образцом мироустройства, своего рода «первичным культурным космосом» (М.В. Осорина).

Литература

1. Аксаков С.Т. Собрание сочинений : в 3 т. / вступ. ст. Е.И. Анненковой. М. : Худож. лит., 1986. Т. 1.
2. Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб. : Наука, 1998.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб. : Азбука, 2000.
4. Головин (Орловский) К.Ф. Русский роман и русское общество. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1899.

5. Григорьев Ап. Воспоминания. М.; Л. : Академия, 1930.

6. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2008.

7. Павлова О.А. Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.

8. Сигаева Т. Три «детства» в русской литературе // Литература. Еженедельное приложение к газ. «Первое сентября». 1999. № 3. С. 8.

9. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб. : Питер, 1999.

Idyllic chronotop of a noble estate and its reflection in the autobiographical works by S.T. Aksakov “Family Chronicles” and “Childhood of Bagrov’s Grandchild”

There are regarded the methods of idyllic chronotop creation in the autobiographical works by S.T. Aksakov from the position of the “estate myth” implementation.

Key words: *idyllic chronotop, estate myth, autobiographical works.*

